

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

12
(785)

Д.М. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

СЛЕД ЧУДОВИЩА

Из всех живых существ только человек умеет смеяться, хотя у него меньше всего для этого оснований.

Так сказал один умный человек. И хотя авторам близка подобная точка зрения, что-то постоянно толкает их на поиски новых оснований для человеческой улыбки.

То, что они существуют, попробует доказать эта книжка, с покупкой которой авторы по доброй традиции от души поздравляют читателя.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 12

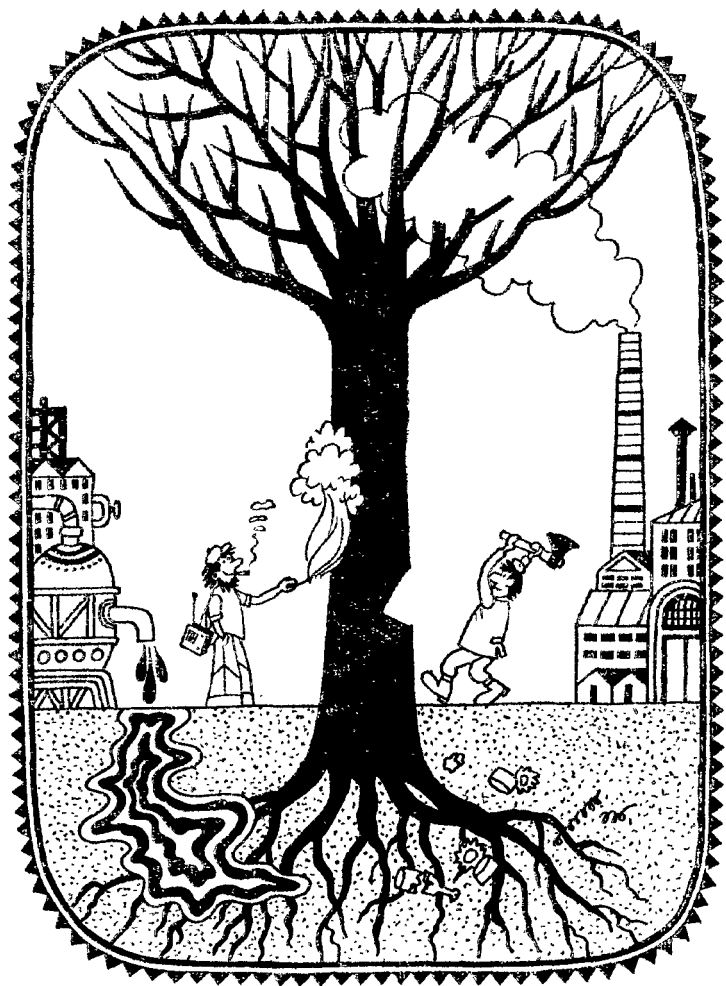
Дм. ИВАНОВ
Вл. ТРИФОНОВ

СЛЕД ЧУДОВИЩА

Дружеский шарж и рисунки В. ШКАРБАНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1977

СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Это был обычный неброский листок на доске объявлений близ Савеловского вокзала:

Готовится экстренная экспедиция для поисков таинственного гигантского животного на территории с координатами;

81°50' с. ш.—

35°08' с. ш.—

19°38' в. д.—

169°02' з. д.—

Тем, чье сердце полно отваги и любви к природе, обращаться по адресу: Бумажный проезд, д. 14. Оргкомитет.

Случайный прохожий ошалело вчитывался в странный текст гизнова, опасаясь подвоха, а после обозревал пеструю витрину Мосгорсправки.

Слева он замечал заманчивое предложение некоего гражданина со станции Налейка, Казанской железной дороги, жаждущего поменять рубленую пятистенку на квартиру в Москве. Справа аспирант, которого по телефону следовало называть Геннадием, готовил желающих в юридический институт, а также учил разговорному турецкому языку и дрессировке догов на черный хлеб. В таком окружении приглашение в путешествие уже не казалось чем-то невероятным.

Куда необычнее выглядел случайный прохожий, задержавшийся около доски. Доктор биологических наук, профессор и почетный член восьми зарубежных обществ натуралистов Глеб Олегович Семужный одет был страннейшим образом: непарные башмаки на нагую ногу, джинсы с этикеткой «Ну, погоди!», поролоновый тулупчик и плюшевая каскетка с козырьком.

Однако никаким видом никого не удивить у Савеловского вокзала. Тем более неизвестно, было ли это следствие рассеянности, столь свойственной ученым, или поездки на дачу.

Человек, говорят, десяток раз за день может изменить свою судьбу, только у большинства для этого не хватает решимости. Вот и Семужный замер, прислушиваясь к незримой, но ярост-

ной борьбе, завязавшейся где-то в недрах его ученого организма. Прислушивался и никак не мог понять, что зовет его на дачу, а что в долгое и, возможно, опасное путешествие.

— А, пес с ней, с дачей! — наконец пробормотал Глеб Олегович и затрусил к зданию, вздымавшемуся серой скалой по дружную сторону эстакады.

ПРОФЕССОР СЕМУЖНЫЙ СОМНЕВАЕТСЯ

Лифт, лязгнув, стал на двенадцатом этаже. Выше было только чумазое городское небо.

— Добрый день! — сказал Семужный, сунувшись в комнату, набитую людьми. — Не подскажете ли, куда это меня занесло?

— Вас занесло в редакцию журнала «Крокодил»! — ответил человек, сидящий в центре.

— Ах, pardon! — воскликнул профессор, смешавшись. — Все му виной рассеянность, столь свойственная ученым. Однажды я перепутал рейсы и вместо Парижа, где меня ждали на симпозиум, залетел в Сызрань, где меня не ждали. Еще раз pardon, не подскажете ли, где здесь оргкомитет экспедиции?

— Он здесь!

— Понимаю, — смутился Глеб Олегович. — Я попался на редакционный розыгрыш. Что делать, чувство юмора покидает меня, когда дело касается природы. Ведь ей я посвятил жизнь!

Семужный вмиг был усажен в кресло, напоен месткомовским чаем и назначен начальником экспедиции. Об участии в затее мирового светила здесь могли только мечтать.

— Я много слышал и читал свидетельств очевидцев о каких-то неопознанных животных, о чудовищах, сохранившихся, возможно, с доисторических времен, — говорило отмякшее в тепле светило. — У канадских индейцев есть предания о страшном чудовище Огопого. В Исландии обитало подобное существо, называвшееся Скримсл. Приятно сознавать, что мы не уступим и шотландцам, раздувшим историю со своим пресловутым чудовищем озера Лох-Несс. Но, простите за прямоту, вам-то что за дело?

— Нет, Глеб Олегович, — твердо возразил ему оргкомитет. — В наши дни каждому человеку, а тем более Крокодилу, есть дело до природы, частью которой является он сам. И когда все разумное человечество на марше за охрану природы, гоже ли нам стоять в стороне? Экспедиция имеет целью найти места обитания уникального существа, окружить его человеческим теплом и заботой, возможно, даже понудить размножаться. То есть на живом примере показать, как сохранять реликтовые образчики фауны и флоры. Таким образом наша экспедиция превратится в могучий поход по защите природы в целом!..

— Браво! — горячо воскликнул профессор Семужный. — Так в путь, друзья! В путь!

— Не подбивай клин под овсяный блин. Поджарится — сам свалится! — внезапно раздался чей-то насмешливый голос.

Все обернулись.

ЗОЛОТОЙ ДЕД

В дверях стоял румяный дедок, весь какой-то ладный и спорый, хоть и кряжистый, но, видно, ухватистый.

— Я это к тому, — сказал дедок, — что спешить не надо. Кто доит шибко, у того молоко жидко. Вы гляньте: жухнет разнотравье. И невольчье слезливая застит небо. Ладит свое дело месяц-грязник. Попробуй выкажи непочтение — не оберешься лиха.

— Если вам в уголок фенолога, то это на другом этаже, — нетерпеливо прервал его кто-то.

Дедок взглянул на сказавшего прозрачным глазом, точно окунул в лесную суводь:

— Я в экспедицию, мил друг. Ни одна путная экспедиция еще без меня не обходилась. Я тебе и бывальщину сочиню, и ведро предскажу, через гати и топи выведу и отвар из мужик-корня от дурной болезни изготовлю. Все могу: и кашеварить, и майнать, и градировать, и крамповать, и найтовить, и барражировать, если надо.

— Старик — золото! — шепнул Семужный и спросил громко: — А по специальности вы кто будете, отец?

— А я тебе и лесничий, и доезжачий, и сокольниковый, а проще сказать — егерь! — охотно откликнулся дедок, распространяя по комнате запахи сена, парного молока и земляники.

Семужный встал и объявил торжественно:

— Вы зачисляетесь в состав экспедиции, товарищ...

— Меня население Варсонофичем кличет, — уточнил дедок. — Я не протестую...

Но в этот момент с грохотом распахнулось окно. Ветер вспузырил рубахи, взвил бумажки, заставил трепетать галстуки.

— Который этаж? — спросила фигура, появившаяся на подоконнике.

— Двенадцатый...

ПРИШЕДШИЙ ПО СТЕНЕ

— Салют, мужики! — сказал появившийся и спрыгнул с подоконника в комнату. — Что у вас за порядки? Без документа не

впускают. Хорошо, что у меня альпинистские причиндалы всегда с собой. Если кто меня не знает, знакомьтесь. Квант Михайлов!

Конечно же, это был он, Квант Михайлов, в своей неизменной элегантной штурмовке, с гитарой и альпенштоком. Легендарный Квант, в прошлом не то физик, не то лирик, не то физрук. Но это в прошлом, а ныне альпинист, слаломист, самбист, киноартист, бард и вообще всеобщий друг. Ходили слухи, что именно с него была нарисована известная картинка на сигаретах «Памир».

— Ну, мужики, вы просто в рубашке родились! — говорил Квант, оделяя всех личным рукопожатием. — Ведь у меня как раз люфтик выдался между фестивалем песен в Геленджике и съемками двадцатисерийного боевика, где я буду изображать влодея Скорцени. Так что иду в экспедицию с вами. Кто за атамана?

Квант рванул из-за спины гитару, шваркнул по струнам и доморощенным баритоном запел песню о романтике дальних дорог, о кедах и о мечанстве, которым пропитан всяк, живущий в городской квартире, имеющий жену и детей.

Вопрос о зачислении его в экспедицию был решен сам собой на втором куплете.

ЧЕТВЕРТЫЙ

— Итак, — сказал профессор Семужный, когда под брюхом вертолета, приданного «Аэрофлотом» экспедиции, замелькали последние подмосковные дачки, — давайте обсудим детали нашего путешествия. Прежде всего попытаемся представить себе, кого все-таки мы отправимся искать. Кто это? Мастоdont? Птерозавр? Археорнис? Плезиантроп? Игуанодон?

— Может, летучая собака? — предположил Варсонофич.

— Снежный человек? — сказал Квант.

— Махайродус? — бросил четвертый участник экспедиции.

Все уважительно посмотрели на специального корреспондента Крокодила Александра Морзалевича, как раз и бывшего этим четвертым.

Именно его, человека с пудовыми кулаками и простодушным ребенком, редакция решила прикомандировать к экспедиции на первом этапе.

— Как вы выразились, Александр? — спросил Семужный.

— Махайродус. Саблезубый тигр, — коротко пояснил спецкор.

— Хотя мы и не знаем наименования искомого чудовища, зато нам известны точные координаты его обитания. А это уже коо что! — сказал Квант, желая не отстать от эрудированного корреспондента.

— Резонно, коллега! — Семужный зашелестел разворачиваемой картой. — Мы сейчас же отметим границы этого квадрата.

— Не трудитесь, профессор. — Корреспондент с ледяной усмешкой опустил на карту ладонь. — Мне хорошо известны все точки с этими координатами. В каждой из них я бывал по два-три раза.

— Хвастать — не косить: спина не болит! — буркнул Варсонофич.

Корреспондент, казалось, не заметил едкой реплики дедка.

— 81°50' северной широты, — продолжал он. — Это, несомненно, самая северная точка нашей страны, остров Рудольфа. 35°08' — где-то рядом с Кушкой, крайний юг. 19°38' — это наше побережье Гданьского залива, самый запад. И, наконец, 169°02' — конечно, какой-нибудь островок Диомиды в Беринговом проливе. Таким образом...

— Таким образом, мы должны искать чудовище на всей территории нашей страны! — подхватил Квант.

Все замолчали, задумавшись над величием задачи, стоящей перед экспедицией.

— Адски сложно! — сказал наконец Семужный. — Счастье, что среди нас нет женщин. Признаюсь, я женоненавистник. Разумеется, в рабочее время.

— Баба с вазу — кобыле легче, — заметил Варсонофич.

— Женщина расслабляет, — вздохнул Квант.

Спецкор Моралевич, похоже, тоже имел свое мнение на этот счет, но высказать его не успел, так как из огромного чемодана, в который рачительный Варсонофич сложил всю провизию экспедиции, раздался требовательный стук.

ПЕРВАЯ КАТАСТРОФА

Щелкнули замки, и все увидели прелестную сероглазую блондинку, свернувшуюся в чемодане калачиком.

— Про волка речь, а волк навстречь! — крикнул Варсонофич.

— Ох! — сказала блондинка, вставая, словно сама материализовавшаяся стройность. — Лежать столько в позиции эмбриона — это не есть возможно! Будем знакомы, мужчины. Меня зовут Ыйна Сауна, пожалуйста!

Многое объяснилось: странный синтаксис, цвет волос, милый прибалтийский акцент. Многое, но не все.

— Так смотрите на меня вы, словно потеряли языка. — Девушка сверкнула улыбкой и вынула из замшевой торбы вороненный духовой пистолет. — Имею первый разряд по стрельбе, пожалуйста! Это, может, в экспедиции надо?

За пистолетом из торбы появились керамические чашечки и

блюдца, за ними — большой термос.

— А все просто, пожалуйста! Про экспедицию узнав, сказала себе я: Ыйна Сауна, ты есть член общества охраны природы. Твой долг быть в экспедиции этой. И вот вы видите меня здесь! Кофе черный будем пить, пожалуйста?

Отважная девушка при гробовом молчании стала разливать кофе...

НЕ НАДО СЛЕЗ!

Веселой чередой бежали дни.

Уже вернулся из экспедиции спецкор Александр Моралевич, возмужавший еще более, хотя это казалось невозможным.

Уже был им красочно описан тот плачевный факт, что урон поголовью зверья в сибирской тайге нанесло не ископаемое чудовище, как предполагалось, а оснащенный передовой техникой браконьер.

Уже экспедиции был придан свежий спецкор — Сергей Бодров — и она перебазировалась на Кавказ в Баксанское ущелье, где «следы чудовища», увы, оказались следами стихийного набега туристов.

Уже пропал без вести профессор Семужный, проглоченный снежной лавиной.

И тогда вновь пришла наша очередь примкнуть к экспедиции. Прозвучала долгожданная команда:

— С вещами на выход!

Экспедиция, даже потеряв одного своего члена, нацелилась на новый маршрут.

Прощание у самолетного трапа на приэльбрусском аэродроме было кратким. Ввиду этого у отлетающих как-то сразу нашлись самые нужные слова.

— Это жизнь, мужики! — сурово сказал Квант. — Ищешь чудовище, а теряешь товарища! Это жизнь!

— Не каркай! Брехать — не цепом махать! — оборвал его Варсонофьич. — С лавиной, конечно, шутки плохи. Но ведь не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле. Оставляем Серегу для розысков. Это корреспондентская докука — вглубь копать. Отыщет нашего профессора!

Спецкор Сергей Бодров согласно кивнул, подтверждая, что не в правилах редакции бросать людей, угодивших в беду, и что в том или ином виде Семужный будет найден.

Убрали трап, сотни лошадиных сил, заключенных в моторах, яростно заржали и понесли наш воздушный лайнер в небеса.

— Я имею неясность, пожалуйста, — первой нарушила молчание в салоне Ыйна. — Для чего устраивает редакция такой ка-

лейдоскоп мужчин? Только я освоилась с Моралевичем, как заменил его Бодров, пожалуйста. Привыкнув едва, внезапно наблюдаю вместо него теперь целых двоих. Причина какова, пожалуйста?

— Плюнь, мать,— мрачно сказал Квант.— Есть в экспедиции люди, чье плечо всегда рядом.

— Так надо,— пояснили мы.— По вашим донесениям стало ясно, что пресловутое Баксанское ущелье сегодня не может быть местом выживания. Скорее наоборот. Меж тем наш чуткий читатель, уже смекнувший, в чем дело, бомбардирует редакцию письмами, зовущими в дорогу. Вот поэтому мы с вами сейчас и устремились в Ленинградскую область, где творятся странные, плохо объяснимые вещи.

— Наша зверюга под Ленинградом? — Варсонофич будто да же помолодел от изумления.

— Подождите делать брови домиком,— отвечали мы.— Полюбопытствуйте в окошко. Мы уже летим над ареалом, или, если угодно, над регионом, в котором, похоже, балует искомое существо.

Наш лайнер как раз закладывал вираж над восточными районами Ленинградской области. Некогда могучие лесные массивы на тысячи гектаров были кем-то безжалостно выгрызены.

— Быть может...— сказала Ыйна с надеждой.— Может быть!

ИНТЕРЕСНОЕ КИНО

...А лес стоял загадочный, словно просился, чтобы его еще раз зарифмовали, положили на музыку и передали в концерте по заявкам. Мы шли, ступая след в след, как нарушители предела. Внезапно кто-то неподалеку заговорил человеческим голосом:

— Рубить лес из нужды можно, но пора перестать истреблять его. Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи!..

Раздвинув еловые лапы, мы сунулись на голос. По заснеженной поляне прохаживался человек в пальто с шалевым воротником.

— Лесов все меньше и меньше,— вещал он,— реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее!..

— Голуба! — Варсонофич, не выдержав, кинулся к говорящему.— Дай расцелую, разумник ты наш!..

— Стоп! — загремел кто-то с небес трагическим тенором.— Марина, я же просил держать массовку в узде!

Наперерез Варсонофичу метнулась антрацитовая брюнетка з

длиннополом кожухе, расшитом райскими птицами. Лихим наметом настигнув дедка, она опрокинула его в снег.

— Бороду долой! Фамилию узнать! — заливался небесный тенор.

Антрацитная Марина рванула Варсонофича за бороду. Дедок заверещал стреляным зайцем. Но тут операторский кран подал на землю небесного тенора, чьи дерзкие усы и вельветовая кепочка-плевков выдавали профессию кинорежиссера. Из кустов повадил киношный люд. Инцидент выдохся.

— Ну, баба-зверь! — с благоговейным страхом сказал дедок, плюясь снегом. — Это сколько же тебе платят за такую овчарчью службу?

— Какое полотно лудите, шеф? — Квант по-свойски напер на режиссера. — Случайно не в жанре мюзикла? А то есть несколько песенок в духе раннего Окуджавы. Будем знакомы: Квант Михайлов. Эти со мной.

— Весьма... — сказал режиссер, ничуть не интересуясь. — А мюзикл — увы — нет! Снимаю чеховского «Лешего». Внимание на площадке! Сразу еще дублик, пока не остыли! Марина, артисту Перелоеву коньяку.

— Коньяк кончился, — отозвалась антрацитная Марина.

— Тогда и съемка окончена! — вспыхнул режиссер и повернулся к нам. — Это и есть наше кино! Вот о чем в «Крокодиле» писать надо! На Чехова и коньяку нет! Бред собачий!

— Вот уж верно: шелк не рвется, булат не сечется, красно золото не ржавеет, — встрял Варсонофич. — Я это к тому, что Антон Павлович чуть не сто лет назад такие слова про лес написал, а глядел в нынешний день как в воду!

— Это есть очень понятно, — сказала подошедшая Ыйна, дернув плечиком. — Классик!..

Режиссер мотнулся в сторону Ыйны и откровенно напрягся:

— Эта девушка с вами? Марина, возьмите у нее телефон. Черт знает как смотрибельна!

— Пошли отсюда, мужики! — сказал сразу помрачневший Квант. — Где кино снималось, там былинка не растет. Где уж ископаемой твари выжить?

Смеркалось.

В ЗАСАДЕ

Наша трехдневная засада не дала никаких ощутимых плодов, кроме симптомов острого респираторного заболевания да занудной песенки о девушке с янтарного побережья, сочиненной Квантом с явным намеком на Ыйну.

— А вы примечайте, что за лес окрест, — сказал Варсоноф-

ич, возомнивший себя начальником после исчезновения Семужного. — Половина дрезз целая, а половина будто выкушена. Чуете, чем пахнет? Весной! А весной любое чудовище, ежели оно самец, что затевает? Брачные игры! Из него природная сила прет. Оно себе соперника шукает, чтобы рога ему поломать. А поскольку наша зверюшка — уникум, то и соперника ему нет. Вот тут оно с досады и землю жрет и стволы через себя кидает. Только от него такая порча здешнему лесу вышла. Тут нам его и стеречь!

— Это жизнь! — вздохнул Квант, глядя в костер. — Утки все парами, и даже ископаемой нечисти нужна подруга!

— Это есть типичный мужской разговор! — дернула плечиком Ыйна. — На такой разговор мое воспитание закрывает мне уши. Ах!

Рядом затрещали кусты. Кого-то несло на огонь костра.

— Я сейчас покажу ему брачные игры! — шепнула Ыйна, нацеливая в темноту вороненый ствол своего пистолета.

— Погоди! — скомандовал Варсонофич. — Кэжись, не оно! Кажись, это хозяин леса — медведь. Его лаской брать надо. Михаил Иванович, это ты?

Неясный силуэт двинулся к костру.

ХОЗЯИН ЛЕСА

— Я не Михаил Иванович, а Петр Федорович! — сказал неясный силуэт, становясь ясным. — Почему костер жжете? Документы!

И все же пришельца можно было величать хозяином леса, поскольку справляет он в Ленинградской области должность главного лесничего. Однако новый знакомец не клюнул на лестное прозвище. И вот почему.

— Кроме нас, работников Минлесхоза, — поведал он, — хозяев леса еще видимо-невидимо. И каждый пользуется «свой» лес, как ему вздумается. Кто рубит почем зря, в деньгу превращает. Кто — наоборот.

— Это как же так? — зашумели мы, успевшие загодя почитать кое-какие документы. — Ведь года два назад было решение бюро обкома о передаче всех лесов Минлесхозу!

— Было, — кивнул наш собеседник, — только осело это мудрое решение где-то в облисполкоме. Да что наши «хозяева»! В ленинградских лесах трудятся, кроме местных, уйма приезжих заготовителей. А у нас с ними разная психология. Дали они сегодня лишний кубометр деловой древесины — завтра уже герои! Мы же пока тот кубометр заново вырастим, — сто лет пройдет!

— Это двойной абсурд! — воскликнула Ыйна, сделав такие большие глаза, что Квант со стоном взял за сердце, а дедок воровато перекрестился. — Мой папа сам сажал сад и сам собирает в нем яблоки. Других не пускает, пожалуйста!

— Одни перерубают, другие недорубают!.. Я все-таки ни черта не пойму! — вмешался Квант. — Давайте для ясности поставим вопрос ребром: что хуже — переруб или недоруб?

— Оба! — отрезал лесничий. — Ведь в чем тут самая скверная хитрость? Где-то весь лес состригли «под нулевку», а в другом месте вообще не трогали. В целом по области картина вроде бы пристойная. А лесу от такого варварства вред неопиcуемый!

Так, слово за слово ткалась затейливая вязь нашей беседы, пока ее не оборвал чистосердечный смех лесничего.

— Чудовище, говорите? Да лес здесь оттого выщипанный, что заготовители вырубili только хвойные. Древесину лиственных пород мы ведь все никак не научимся обрабатывать!

— Брачные игры! — Ыйна испепелила взглядом Варсонофича. — Я имею неясность. Известно, что субъект, муравейник разоривший, за такую шалость должен платить до ста четырнадцати рублей пятидесяти копеек, пожалуйста. Субъект, самовольно в лесу свою козу пасущий, платит за это удовольствие тринадцать рублей пятьдесят копеек. Когда учтены такие тонкости, почему вы не бьете рублем по неразумным головам?

— Бьем! — горько вздохнул лесничий. — За что только не дупцуют: за неочистку лесосек, за оставление высоких пней, за самовольную рубку, за нерациональную разделку. Штрафов за год набирается — страшно сказать: больше чем на полмиллиона!

— Что им те тыщи! — махнул рукой Варсонофич. — Не из своего, а из государственного кармана они их достают!..

И наступила пауза, необходимая, чтобы каждый в который раз мог подумать о необъятности и щедрости государственного кармана.

— Ах! — вдруг воскликнула Ыйна, копошившаяся в пожитках. — Смотрите, что я имею! Откуда ни возьмись, пожалуйста!

В дрожащей руке она держала четвертушку бумаги, на которой неровным почерком было нацарапано: «Срочно следуйте четыре километра от вашего бивуака к северу».

РУКА СЕМУЖНОГО

Мы стояли вокруг холмика, заваленного сосновыми лапами, И, не веря своим глазам, читали простую надпись на простой папке «скоросшивателя»:

ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР Г. О. СЕМУЖНЫЙ.

— Видно, прах в родные места перевезли...— выдавил наконец Варсонофич.

Но тут послышался журчащий русалочий смех, и профессор Семужный собственной персоной выглянул из шалашика, по досадной случайности принятого за печальный холмик.

«Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку»,— написал Пушкин, заканчивая повесть о барышне-крестьянке. Последуем и мы примеру гения. Не будем утомлять читателя рассказом об избавлении Семужного из лавинного плена, о бегстве профессора из травматологического пункта и т. п.

— Коллеги! — говорило вернувшееся светило, точно ребенка, баюкая руку, закованную в гипс.— После Баксанской катастрофы я имел весьма примечательную беседу в Министерстве лесного хозяйства. И мне стало абсолютно ясно, что наша экспедиция опять пошла по ложному следу. Странные вещи, творящиеся в наших лесах, отнюдь не результат баловства некоего гипотетического зверя. Когда вы увидите тысячи гектаров поломанного и иссохшего молодняка, знайте — это гуляли напропалую трелевочные трактора. Когда вы увидите в лесу сотни гектаров мусорной свалки из ветвей, вершин и комлей, знайте — это следы бесхозяйственной, нерациональной разделки древесины. Когда вы увидите тысячи гектаров искаленного леса, знайте — это последствия условно-сплошной рубки, при которой заготовитель берет древесину только лучших сортов, а все остальное бросает как попало. И пусть никакие штрафные санкции не притупят вашей бдительности! Знайте, коллеги, что такое безобразие будет процветать до тех пор, пока в лесу нет одного настоящего хозяина, пока заботятся о лесе одни, а используют его другие! И чем покорно смириться с таким положением, я готов скорее дать на отсечение свою вторую руку!

Глеб Олегович грозно взметнул над светлой своей головой руку, закованную в гипс. Мы уже готовы были взорваться аплодисментами, но тут в профессорском вигваме надсадно запищал зуммер.

— Крокодил вызывает на связь Семужного! Крокодил вызывает Семужного! — бился в портативной радиции московский голос.

— Я Семужный! Я Семужный! Прием! — отозвалось светило.

— Глеб Олегович, есть новости! Поступил сигнал тревоги из...

Но тут по прихоти какого-то полупроводника радица икнула и внезапно обволокла нас таборным голосом Наны Брегвадзе: «Ехали на тройках с бубенцами!..»

Профессор с изменившимся лицом повернулся к нам.

— Тревога!..— сказал он.

РАДУЖНЫЙ КВАНТ

Наш очередной бивуак был разбит на водоразделе Волги и Дона, а проще говоря, в Тамбовской области.

Из 828 местных рек, речушек и ручейков, когда-то струившихся по высохшим теперь руслам, мы облюбовали еще живую голубку Цну, как нарек ее в свое время расчувствовавшийся Максим Горький. За последние годы в здешних местах на охрану природы ушли миллионы рублей. Так не в тамбовских ли водоемах поселиться искомому чудовищу?

И, несмотря на это, Квант купался. При этом он так фыркал и реготал, словно в речке бултыхалась целая рота солдат после дневного перехода.

Ыйна сидела на откосе, и в ее янтарных глазах блестели слезы. Каждый, хоть немного знавший Сауну, сразу бы догадался, что отнюдь не зрелище ныряющего мужчины так растрогало ее. И не ошибся бы. Причиной восторга была река, с удивительной быстротой менявшая краски. Казалось, Цна, играя всеми цветами радуги, задалась целью проиллюстрировать классическую фразу: «Полна чудес могучая природа!»

— Будет у меня ребенок если, будет он девочка если, а имя ей дам Цна! — прошептала Ыйна. — Смотрите все, это даже Балтики красивой, пожалуйста! Я могу известное время смотреть на море, не скучая. Каждую другую секунду имеет оно иной цвет: то лазурь, то индиго, то электрик! Но данная палитра красок есть особый феномен, Чюрлениса и Левитана кистей достойный!

— Этим пусть занимается Союз художников, — сказал Семужный. — У меня, коллеги, возникла рабочая гипотеза. Скажем, скунс, или в просторечье американская вонючка, будучи испуганным, выделяет некий аромат, отбивающий всякую охоту его преследовать. Небезызвестный кальмар выпускает чернильное пятно, за которым скрывается, словно за дымовой завесой. Не исключено, что и наше чудовище склонно к подобной маскировке.

— Дух тяжелый! — кивнул Варсонофич, брезгливо принюхиваясь к речному бризу. — И краска налицо.

Последние слова дедка явно относились к Кванту, бодро скакавшему к нам от места водных процедур.

— Ого-го, мужики! Хорошо! — кричал Квант, картинно играя бицепсами, трицепсами и желваками. — Здоровею!..

Установлено, что только буква «о» может выразить всю гамму человеческих чувств. Члены экспедиции воспользовались этой буквой, реагируя на Квантовы ядовито-зеленые конечности и си-
нюшное лицо упыря.

— А говорят, не место красит человека! — ехидно крикнул дедок. — Врет пословица.

Квант страдал. Физически — потому что мы яростно, но безуспешно пытались оттереть его речным песком. Но несравненно сильнее морально. Он как-то вызнал о тайной сердечной склонности Ыйны к передаче «Клуб кинопутешествий». И что теперь мог противопоставить дружбе с Хейердалом, круизу на «Ра» и телегеничности Ю. Сенкевича? Радужный окрас тела?

— Это не есть возможно! — плакала от смеха Ыйна. — Разноцветный Квант напоминает мне павианчика, которого я юннатствовала в детстве, пожалуйста!

Так не могло продолжаться. И действительно, Квант не явился на полдник. Мы кинулись в палатку. Постель его была холодной. В личных вещах белела записка: «Вспомните, что говорил Хемингуэй: из всех животных только человек умеет смеяться, хотя у него меньше всего для этого оснований. К. Михайлов».

— Обиделся! — догадались мы.

— Или в баню наладился! — предположил дедок.

Ночью Ыйна перебудила нас всех ледяными руками. Барабанил дождь.

— Кто-то ходит палатки вокруг! — прошептала она.

— Человечинки захотелось зверюге? — сонно отмахнулся Варсонофич. — Я старый. Они такого мяса не потребляют, хотя и ископаемые.

Что-то заскреблось по брезенту, и полог палатки откинулся. В неверном свете молний различилось родное синюшное лицо Кванта.

НЕ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

Стуча зубами о кружку с горячим отваром одолень-травы, бард и всеобщий друг поведал о своем приключении.

Задетый за живое оскорбительным смехом Ыйны, Квант упрямо пошел вверх по реке, намереваясь в одиночку достичь логова зверя, чьи органы внутренней секреции красили воду Цны.

Наконец сквозь шум дождя он услышал звериное клокотание. Дождавшись очередной молнии, потрясенный Квант увидел громадную зияющую глотку, которая низвергала цветные струи.

— Не знаю, мужики, что на моем месте сделал бы Сенкевич. — Квант резанул взглядом Ыйну. — Но я пополз вдоль шеи чудовища. Если уж идти, то идти до конца. До самого туловища, до жизненно важных центров! Но если уж говорить, то говорить правду. Туловищем оказался... лакокрасочный завод города Котовска!..

— Я подозревал! — воскликнул Глеб Олегович, ломая пальцы. — Меня глодали сомнения! Шея, разумеется, оказалась трубой, по которой в реку текут отходы красителей!

— Квант! — Голос Сауны дрогнул. — Вы заткнули эту ужасную глотку, так?

— Как я мог это сделать один? Как? — загремел Квант.

— Подобных глоток на Цне несчетное число! В городе Расказове суконный и кожевенный заводы выплевывают в воду шерсть, жир, хром, дубильные вещества. Далее город Котовск вносит свою достойную лепту шестьюстами кубометров гальванических стоков завода «Алмаз», стоками с упомянутого лакокрасочного завода и городскими отходами. И вот уже двадцать тысяч кубометров дряни величественно подплывают к Тамбову, который добавляет пятьдесят тысяч кубов своих неочищенных стоков! Что это значит? Это значит, что на протяжении 25 километров в реке практически нет жизни! Но едва лишь она зарождается где-то на 26-м километре, как на речном берегу возникает Моршанск, знаменитый, кроме всего прочего, полным отсутствием городского коллектора. Да еще камвольно-суконным комбинатом, который систематически превращает Цну в «керосинную реку». Это жизнь, мужики!

— Грешил я на пословицу, права она, — вздохнул Варсонофич. — Не место красит человека, а человек место!..

НОЧНОЙ БРОСОК

— Что же мы сидим? — вдруг встрепенулся Квант. — Вы же еще не знаете самого главного!

— Как? — ахнули мы. — И это еще не главное?

— Я ведь все-таки засек местечко, куда наведывается наш таинственный зверь.

— Водопой? Лежка?

— Не совсем... — загадочно ответил Квант. — Вперед!

Мы покорно зачавкали по грязи вслед за ним.

— Не тычь носа в чужое просо! — вдруг заворчал в темноте Варсонофич. — Я это к тому, что ты нас, Квантушка, в речку завел. Мне уже вода по опояску.

— Тут глубже не будет. И ширина — семь шагов, — отозвался Квант. — Это и есть то место.

Мы оглядели унылые черные холмы, безжалостно сжавшие Цну, — дежурный марсианский пейзаж из плохого научно-фантастического рассказа. Под ногами зашкряпало, захрупало.

— Осторожней! — крикнул Квант. — По моей догадке то, почему мы ступаем, есть не что иное, как минерализовавшийся фекалий чудовища, или, грубо говоря, помет!

Семужный взялся за сердце, обозревая гигантское отхожее место зверя. В воздухе запахло диссертацией.

— Почему из всех богатств языка русского выбрали вы Квант, такой грубый термин? — поморщилась Ыйна. — В Южной Америке, например, ту же вещь называют поэтическим словом гуано, пожалуйста!

— Возможно, это и гуано, — задумчиво сказал дедок, ковыряя носком. — Но только тогда наша зверюга не иначе как уголь жрет, а до ветру ходит исключительно золой.

— А каково мнение корреспондентов? — поинтересовался Глеб Олегович.

— Мы не специалисты в этом вопросе, — сказали мы. — Но похоже, что это — отхожее место чудовища по имени Тамбовская ТЭЦ, о ежедневных золотвалях которой в 240 тонн писали нам встревоженные местные жители.

Квант мужественно принял и этот удар.

— Ужасно, коллеги! — сказал Семужный после печального раздумья. — Самой Цне выжить явно не под силу. Возможно, мы — последние, кто видит то, что называется рекой Цной!..

АРХИЕРЕЙСКАЯ УХА

Стыдно сказать, но мы отступили с берегов Цны. Мы укрылись в популярной зоне отдыха меж пенсионерских дач, раскиданных вокруг Архиерейского пруда. Квант, оглашая стонами девственный уголок, оттирал себя золой. Ыйна дремала, а дедок идиотически стоял с удочкой по колено в воде, отплевываясь от пикирующих слепней. Семужный корпел над отчетом с названием, не радующим свежестью: «Большие беды малых рек». Оживив начало цитатой из песенки «С голубого ручейка начинается река», он перешел к дотошному перечислению способов, которыми закупориваются речки-капилляры, дающие наполненный пульс таким голубым артериям, как Волга и Дон. Тут была и распашка берегов до кромки воды, и рубка прибрежного леса, и промышленные отходы, и навозные стоки сельхозкомплексов, и множество других невеселых вещей, от которых становилось тоскливо.

Короче, дедова уха подоспела вовремя. Гремя ложками, мы обели дымящийся казанок.

— Брюхо — злодей, старого добра не помнит! — лучился улыбкой дедок. — Архиерейская уха! Простой карась, а навару в два пальца.

Мы взяли в рот, переглянулись, но сглотнули из уважения к Варсонефичу. Квант взгляделся в навар.

— Твоей архиерейской ухой, — мрачно заметил он, — только дизель заправлять вместо солярки.

— Приняла бы душа, а брюхо не прогневается! — бойко ответил дедок.

Мы влили еще по ложке сквозь стиснутые зубы.

— Кажется, мой желудочный тракт имеет возмущение на такой рыбий суп, — сказала Ыйна, сияясь улыбнуться.

— Эх, ведь самая юшка пропадет! — неискренне заохал Варсонофич и выплеснул уху в костер, от чего сразу взметнулся столб лилового пламени.

— Дайте бумагу. Я хотел бы оставить письмо своим ученикам и последователям, — сказал побледневший Семужный и зачем-то пошел в кусты.

Но его остановил чей-то тревожный оклик.

— Вы что это? Рехнулись? — закричали три человека, оказавшиеся позже весьма милыми людьми: главврачом обласанэпидстанции, старшим рыбинспектором и председателем областного Общества охраны природы.

Эти достойные люди то соло, то дуэтом, а то и всем трио растолковали нам опрометчивость нашего обеда. Девственный на вид Архиерейский пруд давным-давно лишен невинности соседним производственным объединением «Пигмент» которое регулярно спускает в пруд тысячи кубометров так называемых «условно чистых вод». Каким-то чудом в пруду держится тамбовский карась, видимо, самый стойкий в мире. Но время от времени и карасю приходит каюк, когда «Пигмент» сбрасывает в воду ядовитый 2-этильгексанол. И эта история повторяется уже много лет.

— Поищите в нашей области врагов природы, — сказал врач. — Не найдете. Кругом друзья. На словах, к сожалению.

— Штрафуем мы руководителей предприятий исправно, — сказал инспектор. — А толку чуть. Директора же животноводческих комплексов прямо в лицо смеются: «Что вкуснее — наше мясо или ваша рыба, которой нет?»

— У нас по области легенда ходит, — сказал председатель, — будто бы директор одного комбината на глазах у всего народа выпил стакан сточной воды, чтобы всем показать, какова у него очистка. И жив остался.

Но тут горячий туман застлал глаза членов экспедиции — терзали колики. Последнее, что осталось в памяти, это склонившееся над нами доброе лицо врача.

— Плохо дело? — спросил он.

Тогда не было сил ответить. Пусть ответом послужат эти строчки.

ТАЙНА ГРЕЙПФРУТА

С утра опять зарядил нудный ситничек, словно в небесах прохудился главный вентиль, а слесарь, как назло, взял отгул. Настроение в нашей палате было мерзкое, под стать погоде.

Семужный созерцал потолок, прислушиваясь к мажорному звучанию своей перистальтики. Варсонофийч отсыпался круглые сутки, по-зимнему, по-медвежьи закопавшись в одеяло. Квант то и дело присаживался к ледяной батарее парового отопления и выстукивал пятаком морзянку:

— Ы-й-н-а, к-а-к с-а-м-о-ч-у-в-с-т-в-и-е?

Вскоре по трубам с третьего этажа, где помещалось дамское отделение, приходил ответ:

— А-п-п-е-т-и-т и а-н-а-л-и-з-ы н-о-р-м-а-л-ь-н-ы-е!

На последнем обходе главврач отрубил: «Через неделю выпущу. А пока никаких контактов, никаких сношений с внешним миром, кроме как через медперсонал!»

В такой ситуации каждая съедобная весточка из родной редакции «Крокодила» казалась крохотным праздником. На этот раз в передаче были грейпфруты. Глеб Олегович вгрызся было в ароматный плод, но вдруг, поперхнувшись, оставил свое намерение.

— Нам депеша! — невнятно сказал он, и все увидали у него в зубах скрученную бумажку.

Чья-то заботливая рука хитроумно укрыла под кожей грейпфрута записку:

«Спите спокойно, дорогие товарищи! Стойко принимайте процедуры, крепко держите диету, честно сдавайте анализы. Больше спешить некуда. Специальным приказом экспедиция расформирована. С чудовищным приветом!

Группа доброжелателей».

— Коллеги, это же нонсенс! — взвизгнул опомнившийся Семужный. — Никто не застрахован от неудач, но опускать руки — это мягко говоря, не по-мужски!

— Горе горюй, а руками воюй! — поддакнул дедок из одеяльной отдушины.

— Это жизнь, мужики! — завел было Квант.

— Надо лететь в редакцию, надо бороться! — кликушествовал Глеб Олегович. — Товарищи корреспонденты, что же вы молчите?

— Ведь не выпустят из этой кузницы здоровья! — защитились мы.

— Устроим побег! Нынче же ночью. У меня уже есть кое-какой опыт! — Семужного колотило от возбуждения. — Квант, радируйте Ыйне!

Квант метнулся к батарее. По трубам парового отопления полетела морзянка: «Квант вызывает Сауну! Квант вызывает Сауну!»

ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ

Сразу после отбоя мы впились зубами в простыни, расположивая их на ленты. Квант скреплял их альпинистским узлом.

— Когда скоком, а когда и боком! — балагурил Варсонофьич, кусая пододеяльник. — Это по-нашему! Только не взгреют нас за ущерб казенному белью?

Мы пообещали компенсировать ущерб из гонорара за излагаемую историю, и энтузиазма прибавилось.

Первым с неожиданной обезьяньей ловкостью соскользнул вниз Семужный. Картинно фиксируя позы, спустился Квант. Мы тоже ссыпались довольно дружно. И только Варсонофьич вдруг завис, болтаясь, как хлопущка на елке.

— Квантушка! Глебушка! Корреспондентушки! — причитал дедок, из которого, точно горох из рваного мешка, посыпались неуместные поговорки. — Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы! На кукиш ничего не купишь, а купишь, так не облупишь!..

Ыйна жгла его взглядом из распахнутого окна на третьем этаже:

— Где мужское ваше «я», пожалуйста, старый человек?

К тому времени, когда мы выудили его, Ыйна была рядом.

Из темноты, светя зеленым огоньком, словно одноглазый кот, к нам подкрадывалось такси.

— Давно гуляете? — спросил случайный таксист, интересуясь загорелыми ногами Ыйны, которые сильно выигрывали в длине по сравнению с больничным халатом. — К трем вокзалам?

— К одному, если можно, — подобострастно заспешил Семужный. — К Савеловскому.

Таксист помедлил, но, видно, наши планы не совпали.

— Обедать еду! — решил он и рванул в ночь.

Прижимаясь к стенам, мы двинулись пешком. В здании, темным монолитом вздымавшемся возле Савеловского вокзала, бессонно светилось лишь одно окно.

ДОЖДЬ СМЫВАЕТ ВСЕ СЛЕДЫ

— Интересно, — ядовито сказал Семужный, опознав в людях, колдующих над какой-то бумажкой, членов оргкомитета экспедиции, — интересно, что это вы тут делаете?

— Ликвидируемся! — хором ответили ему. — Поиграли и будет. Любая игра, хоть спортивная, хоть карточная, хоть литературная, если ей не видать конца, становится занудством. Это грозит и нам, поскольку наш терпеливый читатель давным давно раскусил, что никакого чудовища нет и не было в помине. Что чудовищные следы на прекрасном лице нашей Земли, к сожалению, оставляют сами люди, не по-человечески относящиеся к природе. Те самые люди, чье варварство заставило поэта Рождественского печально заметить: «Все меньше окружающей приро-

ды, все больше окружающей среды!» Итак, мы подводим черту. Но это огнюдь не значит, что впредь Крокодил будет с меньшим жаром охранять природу. Просто, как говорится, новое время — новые песни! А вам сердечное спасибо за роли, что вы сыграли на данном историческом отрезке.

— И вам спасибо,— тихо сказал Глеб Олегович, давая товарищам знак выйти.

Мы пошли проводить их.

— Все верно, коллеги,— улыбнулся на улице Семужный.— Ведь мы с вами не что иное, как плод фельетонной фантазии.

— Допустим, с чудовищем все ясно,— упрямо сказал Квант,— но ведь между нами завязались какие-то личные симпатии. Что ж, их оставлять неразрешенными?

— Быть может, интимного порядка подробности обсудим мы вне страниц журнала, пожалуйста? — предложила Ыйна.

— Конец — делу венец! — подытожил дедок, не обнаружив в закромах памяти ничего более подходящего к случаю.

Скупко обнявшись, участники бывшей экспедиции пошли на все четыре стороны. Дождь смыл их следы...

Разыскивается!

Тот, кто укажет место нахождения этого человека, получит вознаграждение 600 тысяч...

Он поистине неуловим.

Яблоневый сад, отягченный такими плодами, какие можно увидеть разве что в сказке на сцене детского театра.

— С утра был. Уехал...

Винзавод, своим коварным ароматом путающий будничные мысли и манящий к праздничному застолью.

— Был, уехал...

Просяное поле, стриженное «под нулевку» комбайном.

— Был, уехал...

Бессмысленно сидеть в засаде возле его кабинета. Еще более бессмысленно метаться за ним по совхозным уголкам. Тот, кого мы ищем, знает эти места как свою ладонь. Возможно, мы и не встретились бы, не будь на то личного желания неуловимого директора совхоза «Любань» Евгения Федоровича Мироновича.

«А что это за объявление о розыске? Какие там еще шестьсот тысяч? — может обижено спросить Некто, полагая, что имела место попытка словить доверчивого читателя на тупой детективный крючок. — Что еще за дикие шутки?»

Да нет, дорогой гневающийся товарищ Некто, какие уж там шутки! Во времена оккупации Белоруссии голова партизанского командира Мироновича действительно была оценена в 600 тысяч рейхсмарок. Авторы этого мерзкого человеческого преysкуранта исходили из того, какой урон может им нанести отряд Мироновича. Обсчитались! Думается, они не пожалели бы и вдесятеро больше, если б могли вообразить, сколько пользы принесет хозяйство Мироновича той стране, которую они пытались поставить на колени.

Не просто анекдот.

Дети, гулявшие по зоопарку, набрали на слона. И вот, налюбовавшись на гиганта, они читают вывешенный для общего обозрения суточный слоновий рацион: картошки столько-то десятков килограммов, морковки столько-то, яблок столько-то...

— Дяденька!.. — спрашивают изумленные дети у служивого, подметающего загон. — Неужели он столько съест?..

— Съест-то он съест, — отвечает дяденька. — Только кто ему даст!..

Немного повеселив вас шуткой, которую, быть может, вы еще не слышали, заметим, что мы ее ввернули здесь с добрым умыслом.

Вряд ли мы, таща в авоське к семейному очагу свои полкило ветчинно-рубленной, представляем, сколько может съест за сутки большой город. И потому просто детское изумление охватывает нас при упоминании сотен и тысяч тонн разнообразного едова. «Съест-то он съест, — думаем мы, невольно уподобляясь анекдотическому дядьке, — только кто...»

Дадут! Не извольте сомневаться!

Так вот, один из кормильцев, из тех, кто дает еду на столы Минска, области, республики да и на столы, накрытые далеко за пределами Белоруссии, и есть Е. Ф. Миронович.

Его визитная карточка

Ожидалось увидеть скульптурного гиганта с торсом неподражаемого борца Медведя и стальным горлом певца Вуячича. Ожидалось отметить на директорском пиджаке впечатляющий набор орденских планок. Ожидались властные жесты, заставляющие туго звенеть пшеничный колос, буйно цвести бульбу и тучнеть на глазах бычков.

А к нам подошел неприметный на взгляд человек, словно специально созданный для иллюстрации мудрой пословицы «По одежке встречают — по уму провожают». Подошел, протянул руку и негромко сказал:

— Миронович. Вы меня искали? Извините. Дела.

Дела — это как раз то слово, которое Евгений Федорович мог бы смело вручать, точно визитную карточку. Дела у него начинаются в четыре утра и заканчиваются глубокой ночью.

— Командуйте, — сказал Миронович. — Сначала будем говорить, а потом смотреть? Или сначала будем смотреть, а потом говорить? Или будем и смотреть и говорить?

Мы выбрали последнее.

Человек с тысячью лиц

Он — экономист.

Евгений Федорович, должно быть, и сам не знает, что его любимая присказка: «Давайте считать!» Но какое уж там давайте, когда он сам мгновенно складывает и множит в уме фантастические цифры на зависть тем, кто на эстраде таким образом зарабатывает деньги.

«Давайте считать, — говорит Миронович, — 200 миллионов зерен — это 124 центнера, так?..»

«Давайте считать!» — твердит он постоянно и точным расчетом может положить на лопатки любого скептика.

Он — зоотехник.

Кажется, что нас нагоняет сводный духовой оркестр. Труб еще неслышно, но барабанное уканье еканьем отзывается в селезенке. Но нет, это не барабан. То тяжелым наметом по полю летит жеребец розовой масти.

— Шесть тысяч отдали за этого красавца! — говорит нам директор.

Жеребец мощностью по меньшей мере в двенадцать лошадиных сил снарядам пролетает мимо, не обращая внимания на комплименты.

— Дорого стоил, а не жалко, — провожает его Миронович знающим глазом. — Зато какая порода от него пойдет!..

Он — изобретатель.

Конечно, директор совхоза не корпит ночами над вечным двигателем, действующим моченым песком. Его изобретательный ум подсказывает куда более перспективные идеи.

Кажется, что в совхозе вообще не существует такого понятия, как отходы. Углекислота — побочный продукт спиртзавода — сжижается, разливается в баллоны и вновь идет в дело. Другой побочный продукт — огнедышащая барда — обогревает совхозные теплицы, где уже в марте родятся первые нежные огурчики. Яблочный жом превращается в первоклассный корм скоту. И от этого всего создается впечатление, что в совхозном производстве происходит бесконечный круговорот, подтверждающий справедливость закона сохранения энергии и вечности материи.

А он еще и медик, и химик, и строитель...

А кстати...

не показалось ли вам, будто директор «Любани» в одиночку ворочает все свое многоотраслевое хозяйство? Спешим уведомить, что в совхозе занято делом ровно 1411 человек. Это почти полторы тысячи разных характеров. На всех угодить трудно. Но что-то не припомнит Миронович, чтобы хоть один ушел из «Любани» недовольный жизнью или работой.

И в это легко и охотно верится.

Известно, что в далеких от совершенства коллективах внезапное появление начальства среди беспечно кейфующих подчиненных — это жуткое дело. Иные мертвеют, точно им явился призрак, иные панической тараканьей рысью кидаются по щелям и закуткам.

Но куда бы внезапно ни заглядывали мы с Мироновичем, нигде не слыхали испуганного шепота: «Ах, ах!.. Сам идет!» — будто сейчас введут Вия, который потребует поднять ему веки, и тут всем и каюк... «Сам» ходил с участка на участок, а люди, привычные к его визитам по сто раз на дню, спокойно делали свое дело. Может, потому и не знает сегодня «Любань», что такое шефы, ковыряющиеся в страдную пору на картофельном поле.

Похоже, что тут же на рабочем месте директор решает многие деловые и личные вопросы.

— Ты шо же это зробыл? — спрашивает он с шутливой строгостью пожилого конюха. — Я знаю, мне желтовские мужики рассказали.

— Та шо я зробыл? Я ничего худого не робыл... — стеснительно мнется конюх. — Я вот вам заяву об вотпуске несу.

— Заява заявой. А шо ты зробыл?

— Та шо?.. — всерьез мается конюх. — Ну, выпил трошки на свадьбе. Я ж один раз...

— Кумыс надо пить,— говорит директор, пряча улыбку.— Он полезный. А вино брось.

— От верно! Брошу! — с энтузиазмом откликается конюх.— Буду кумыс!

Как-то совсем не по-директорски, а скорее по-соседски прозвучал этот укор, не потеряв, однако, воспитательной весомости.

Мы прощались с Мироновичем в сумерках среди стлавшихся по полям кинематографически красивых туманов. Он по старинному обычаю провожал нас за околицу и сидел за рулем «газика» сам, отпустив вконец измотанного молодого шофера.

Опустив перед машиной шлагбаум, стрелочник берет под козырек:

— Извините, Евгений Федорович, служба. Скорый Москва — Гродно идет.

Стрелочник, известное дело, человек не совхозный, а путейский. И уважать стороннее начальство вроде бы и не обязан. Но уважают-то не по обязанности.

УДИВИТЕЛЬНОЕ МНОГООТРАСЛЕВОЕ

Никого, конечно, многоотраслевым хозяйством не удивить, И в том, что совхоз «Любань» в своем семимиллионном потоке продукции дает зерно и яблоки, ягоды и картошку, мясо и мед, молоко и овощи, нет ничего особенного.

Но хозяйство, где в прудах играет прихотливая форель,— это уже не на каждом шагу.

Если бы писателю Э. М. Ремарку в свое время посчастливилось заглянуть в цеха местного винного завода, он наверняка пришел бы в восторг, увидев на одной из бутылок этикетку — «Кальвадос», ибо, как помнят поклонники Ремарка, для его героев не было более любезного напитка.

Не желая обидеть память писателя, заметим, однако, что не менее приятное впечатление на нас произвела и продукция совхозного консервного завода.

Не жалея, хозяйева радушно принудили нас к дегустации, предложившей так:

— Вы попробуйте нашей черноплодной рябины. Хореша?

— Хореша!

— Это что! Вы наш горошек отведайте!

— Чудесный!!

— Это что! Вы варенья из вишни еще не ели!

— Замечательно!!!

— Это что! Вы наших огурчиков съешьте!

— !!!!

Конечно, оценить все 32 наименования консервов у нас не-

хватило бы ни сил, ни восклицательных знаков. Но и после частичной дегустации можно сказать: марка совхоза «Любань» — это марка!

ДИРЕКТОРСКИЕ ПРИЧУДЫ

Кумыс для Белоруссии — чистая экзотика. Доить кобыл? Да в здешних местах от смеха готовы были полопаться. А Мироновича это не смутило. Мучился легкими его партизанский друг, и не просто было добыть путевку в киргизскую кумысолечебницу.

— Тут-то меня и заело! — объясняет директор. — Взяли кобылиц. Женщину я нашел хорошую. Дали ей оклад и профессию красиво назвали — кумысница. А недавно наш кумыс на ВДНХ по целебным свойствам в лучшие вышел. Двум больницам теперь его даем, да и так просто люди приезжают.

Мы уже готовились услышать привычное: «Давайте считать!» — но Миронович сказал так:

— Спросите меня об экономическом эффекте? Да особого эффекта нет. Но я так думаю, что ради здоровья людей надо делать все!..

В хозяйстве Мироновича возникло неслыханное дело — совхозный коровник для частников. Ставит человек свою сугубо личную скотину на семь месяцев в совхозное стойло, где ее поят, кормят и вообще, как тут говорят, «за ней доглядывают». Что-то вроде коровьей станции техобслуживания.

— Давайте считать, — говорит Миронович. — Бабка какая-нибудь. Ну где она возьмет сено? Значит, найми косца. Это значит — ставь бутылку. Свежи сено — опять бутылка. Так она на одни бутылки потратится в пять раз больше, чем сено стоит!

Таким и подобным «причудам» любанского директора, кажется, нет конца. Несчастную овцу, которую всякий хозяин, дай только ему на то добро, пинками бы погнал за пределы не только области, но и республики, и ту Миронович скоро пристроит к делу. Уже и овчарня возводится, куда сгонят овец со всего района.

— Это только для начала. А потом у нас будет романовская шубная овца! — как о деле решенном говорит директор. — Ведь сейчас дубленки — это модно, так? И тепло, кстати. Все освоим — и выделку и пошив. Надо будет, так и модельеров из Минска пригласим!..

Что ж, вполне вероятно, что в обозримом будущем мы будем брать на бордаж наши ЦУМы, услышав клич:

— Любанские дубленки завезли!..

СЕКРЕТ УСПЕХА

Дела в хозяйстве Мироновича идут отлично. Но в чем же все-таки дело? Может быть, бывший партизанский командир просто неслыханно удачлив? Потому в военное время ему удавались невиданные дела.

— Евгений Федорович,—пытаем мы,— нам рассказывали, что вы однажды втроем немецкий гарнизон положили да еще дюжину карателей в плен привели.

Миронович усмехается в ответ и смотрит хитрым глазом:

— Да нам просто деваться было некуда!

Ну, будто нарочно он прочитал в одном из номеров «Крокодила» шутиливую реляцию: «Так как у нас не оказалось белого флага, мы были вынуждены победить».

С давних времен у Евгения Федоровича Мироновича в самые ответственные моменты не оказывается «белого флага». Похоже, он вообще не знает, что это такое. И потому вынужден побеждать.

Нет ничего проще, чем стяжать успех на детективной ниве. Правда, эта когда-то заброшенная литературная пустошь теперь глубоко вспахана вострыми перьями. Однако ж не настолько, чтобы желающий не смог преложить свою борозду. И посеянные пахарем семена где-нибудь дадут поросль, где-нибудь зазеленеют. Может быть, в журнале, вербующем подписчиков к концу года. Или на киностудии с горящим планом. Или в театре, мечтающем

как-то заманить зрителя. Или на телевидении, где с дорогой душой напекут полтора десятка серий.

Когда против графы «сумма прописью» детективный пахарь ставит в ведомости свою фамилию, никто не изумляется, что он, оказывается, не Жорж Сименон и не Агата Кристи. Со времен Конан-Дойля в рукомсле детективного автора уже нет секретов. Рецелты известны. Прозорливого главного героя, этакого заместителя Шерлока Холмса, следует назвать майором Светловым, Тепловым или Зориным. А его молодого коллегу, заменяющего простоватого Ватсона, для живинки окрестить Нагнибедой, Перебий-носом или Закидайшапкой. И персонажи сами оживут на бумаге. А уж заставить их провести какую-нибудь простейшую операцию сможет любой мало-мальски грамотный человек. Но большинство грамотных стесняются. А меньшинство — нет. Вот так и получается...

О п е р а ц и я « К а р м е н »

Телефонный звонок раздался как раз в тот момент, когда майору Светлову наконец удался головоломный пассаж в одной из фуг Баха. Светлов с нежностью отложил виолончель и взял трубку.

— Алло! — сказал он так, как умел говорить это короткое слово только он, майор Светлов, прошедший, кроме нелегкой школы жизни, еще обычную среднюю школу, специальную школу милиции и, разумеется, хорошую чекистскую школу.

— «Скерцо» вызывает «Каденцию», — донесся до майора такой далекий и одновременно такой близкий голос сержанта Нагнибеды.

«Скерцо» был его позывным, а «Каденция» — позывным майора. Позывные, конечно, придумал сам Светлов, который, хотя и был человеком-кремнем, имел трогательные слабости. Нужно было видеть, как увлажнялись его по-хорошему стальные глаза в концертных залах. Но Светлов считал, что этого видеть не нужно. Об этом его друзья только догадывались. За последний десяток лет майору редко когда удавалось выкроить время на концерты, если не сказать — никогда.

— «Скерцо» вызывает «Каденцию»! — вновь позвал Нагнибеда.

«Пропал вечер! — привычно подумал Светлов, выключая уже прогретый телевизор. — И какой вечер! Органный!..»

Но он знал, что органный вечер еще повторяют по четвертой программе. Преступление же не повторяется. А в том, что дело было серьезным, майор не сомневался. Нагнибеда не стал бы тревожить своего наставника по пустякам.

Ровно через сорок одну секунду свежесвыбранный Светлов гнал машину по вечерним улицам на предельной дозволенной скоро-

сти. Там и сям мелькали булочные, киоски, мастерские по заправке шариковых авторучек.

«Хороший город!» — тепло думал Светлов, вспоминая вдруг, что не спит уже шестую ночь.

Машина плавно вписалась в крутой поворот.

«Ничего, на пенсии отосплюсь!» — решил Светлов, хотя отлично знал, что и тогда высшее удовольствие он будет получать от борьбы с правонарушителями.

У входа во Дворец культуры уже погасли фонари, культурная жизнь города затихала. Начиналась ночная.

Сержант Нагнибеда ждал майора возле опустевшего гардероба. Он стоял со своим обычным застенчивым видом, сколько уж раз обманывавшим самых матерых рецидивистов.

— Загадочный случай! — точно, как всегда, доложил Нагнибеда. — С одной стороны, дело как будто ясное, но с другой — совершенно темное.

— Понятно, — сказал майор, и губы его тронула улыбка.

Ему нравилась манера сержанта смотреть на любую проблему сразу с двух сторон.

— Потерпевшая — женщина, — негромко добавил Нагнибеда.

Сержант не ошибся. «Хорошее начало!» — подумал Светлов. — Парень на глазах набирается опыта! Майор внимательно осмотрел хрупкую всхлипывающую женщину. Она напомнила ему кого-то из знакомых: не то «Незнакомку» Блока, не то «Неизвестную» Крамского, не то тему из первой части Второго концерта Шопена для фортепиано с оркестром.

— Итак, — сказал Светлов, — потерпевшая пришла на концерт...

— Верно! — растерянно подтвердил сержант. — И в зрительном зале познакомилась с соседом по креслу. Утверждает, что он начал за ней немножко ухаживать в антракте. А после концерта сосед неожиданно исчез с сумочкой потерпевшей.

— Я так и думал! — сказал Светлов и обернулся к женщине. — Вы могли бы нарисовать его портрет?

— Портрет?... — женщина беспомощно осмотрелась, как бы в поисках холста и красок.

— Словесный, конечно, — мягко пояснил майор.

— Он был... с бородой...

— Сегодня борода не особая примета! — метко вставил Нагнибеда, любивший шутку. — Боюсь, что шансы отыскать похитителя практически равны нулю.

— Не спешите с выводами, сержант! — мягко, но твердо заметил Светлов и опять обернулся к женщине. — Успокойтесь и постарайтесь припомнить, не осталась ли у вас программка концерта? Соберитесь с мыслями, это очень важно.

— Вот она! — сказала женщина, подумав.

Майор беглым взглядом пробежал программку и устало улыбнулся.

— Нагнибеда, — сказал он со своей чисто индивидуальной лукавинкой, — вы уже взяли из чистки ваш коричневый костюм?

У Светлова давно стало привычкой знать о своих сотрудниках все, включая гардероб.

— Вот и отлично! — продолжил он, услышав утвердительный ответ. — Завтра вместе с потерпевшей отправитесь в Большой театр. Преступник будет в зале.

Даже Нагнибеда, привыкший к парадоксальному ходу мыслей майора, слегка покачнулся, но так, что это осталось незамеченным для стороннего глаза.

В машине они долго молчали. И только выходя возле своего дома, сержант не выдержал:

— Товарищ майор, как вы догадались?

— Нет ничего проще! — ответил Светлов тепло. — Мне достаточно было взглянуть на программку этого концерта, чтобы понять: билеты на такие концерты продаются только в нагрузку к чему-нибудь хорошему. А завтра в Большом как раз «Кармен-сюита» с Плисецкой! Думаю, что можно закрывать это дело, которое мы назовем «Операция «Кармен»!

Нет ничего проще, чем продолжать подобные «операции» до бесконечности. Это не требует почти никаких усилий и хорошо кормит автора. Ведь нынче детектив с охотой читает каждый: ребенок и министр, джазовый ударник и физик-атомщик, манекенщица и боец вохра!

Хочется писать о прекрасном. Хочется воспевать. Да где там!.. Жизнь, как почтовый ящик, ежедневно подсовывает нам вместе

весточек от милых друзей кипы неоплаченных счетов. Их можно запихнуть куда-нибудь с глаз долой, но рано или поздно платить по ним надо. Наши неоплаченные счета — это обиды и огорчения тех людей, которых нам так не терпится воспевать.

Представьте себе на минутку, что из какого-то райцентра поступило такое письмо: «У нас в городе всего одно казино. Пропускная способность его чрезвычайно мала, и для того, чтобы вечером поиграть, нужно отстоять длинную очередь. В игорных залах такая темень, что трудно сделать верную ставку, трудно подсчитать и выигрыш и проигрыш. Холодно, неудобно. Облупилась позолота кресел, потемнели давно не чищенные канделябры. Пять лет назад было принято постановление о строительстве нового казино. Составили смету, завезли материалы, сукно для столов и... заморозили строительство. Идут годы, а воз, как говорится, и ныне там. Негде нам ни сыграть в рулетку, ни сразиться в трант-э-каран. Помогите!»

Как ни печален приведенный факт, но, сами понимаете, такое письмо вряд ли позвало бы в дорогу корреспондента. Клиенты в казино, так сказать, с жиру бесятся. Это заведение не является учреждением первой необходимости, как, скажем, туалет. Человек, например, должен дышать, пить, кушать, справлять нужду и прочее. Круг этих первоочередных потребностей включает в себя, между прочим, и естественное желание быть мытым. Однако далеко не всюду, оказывается, считают мытье естественной потребностью и к старому институту — бане относятся как к вздорному баловству вроде казино или кегельбана.

Письма, повествующие об этом, вроде бы и разные и все ж поразительно схожие, точно крольчата одного помета. Решительно ничего нового. Ну, пожаловался бы кто-нибудь на однообразный ассортимент шампуней в банном киоске, на безвкусную расцветку шаек или, наконец, на недушистость веников. Был бы тогда повод возвысить свой голос до набатного звучания, ожечь сатирическим кнутом помывочный сервис. Увы, все набившие оскомину проблемы!

Жители одного города уже несколько лет вынуждены держать мочалки сухими в виду ремонта единственной бани. Неспешность ремонтных работ невольно наводит на мысль о полном переустройстве местной бани, которая своим великолепием и безудержным сервисом, должно быть, перешибет все виденное до сих пор. Тут вам когда-нибудь и височки подровняют, и пуговку любовно пришьют к исподнему, и мозоль на пятке ануулируют, и по голенищам ваксой пройдутся. Но это будет в светлом будущем. А как местным жителям решать гигиеническую проблему в несветлом настоящем?

Не радует оригинальностью депеша и из другого города. Дав-

но уж всем известно, что если истопник не в себе или у него «сумерки души» после вчерашнего, то нет в мире такой силы, что заставила бы его развести огни в топке. Случается, правда, что истопник пребывает в добром расположении духа. Тогда сырые банные апартаменты оглашаются радостными воплями наших счастливых. Но счастье, как известно, кратковременно. И тут уж зевать нельзя. Нельзя заводить мелкие солдатские постирушки. Надо успеть не только намылиться, но и ополоснуться. Какая-нибудь пустячная житейская неурядица может выбить из колеи ранимого истопника. Тогда он безжалостно загасит огни в топках. Тогда перламутровые от мыльной пены граждане натягивают на склизкие тела свою сиреневую бумазею и отправляются к живущим по соседству знакомым, чтобы промыть слезящиеся глаза. Справедливости ради надо заметить, что большую часть времени истопник пребывает в дурном настроении, и баня не работает вообще.

А вот сигналият из третьего города, что, мол, в их бане подерживается такой температурный режим, что клиенты моются в пальто и шубах, держа наготове паяльные лампы на случай окончательного замерзания кранов.

Обозревая все это, и невольно берет досада. Скорбные перенги чистюль, идущих гигиеническим маршем со свежим исподним в руках и с мочалками из люфы, вызывают неподдельное участие. Конечно, можно это свинское безобразие именовать мелочами быта. Но когда бы мы не сочли за труд расстелить на столе географическую карту нашей необъятной страны и наподобие полководцев навтыкали бы флажков в тех населенных пунктах, что осаждаемы полчищами нашего неприятеля — грязи, то мы увидели бы довольно плачевную панораму идущей гигиенической битвы. Непозволительно много позиций сдали без боя врагу доблестные ополченцы банно-прачечных трестов.

Да неужто повсюду там так бесславно капитулировали, между тем как сведущие люди давно прикинули, что на каждого моющегося требуется: 1,8 квадратного метра в раздевальне, 2,7 квадратного метра в мыльной и 17 ведер воды? Да неужто эту малость нельзя повсеместно обеспечить сегодня, во второй половине двадцатого века, когда мы умеем и до Луны долететь, и целую оперу записать на долгоиграющую пластинку, и упредить разрушительный сель научным прогнозом?

Что-то не верится. Ведь еще на заре человечества были случаи успешных решений этой космической проблемы. Жил, например, в Древнем Риме один отвратительный субъект — император Марк Аврелий Антонин Каракалла. Чтобы стать единоличным правителем, этот мрачный тип ухлопал даже своего родного брата Гету. Но в одном нельзя было отказать Каракалле — любил

он, стервец, чистоту. Обожал, негодай, побаниться. И бани — по-тогдашнему «термы» — были у Каракаллы что надо. В них не только полдня, а очередной оплаченный отпуск не грех было провести. Имелись там, как водится, раздевалки, бассейны, всякие мраморные ванны, потельни сухие и влажные и даже особые комнаты для растирания грешного тела ароматическими маслами. Но, помимо эти пошлых гигиенических ячеек, в бане Каракаллы была открыта библиотека с читальным залом, работали площадки для гимнастических упражнений и террасы для собеседований. Надоело полоскаться — возьми с полки книжку, Апулеем побалуйся. В саду при бане выступали певцы и ораторы, а в предбаннике шла бойкая торговля дегтярным мылом, мочалками и прочей банно-прачечной ерундой. И до того клиентам все это нравилось, что они даже стали забывать об основном предназначении бани и зачастили гуда как в клуб или там кафе.

Но, скорее всего, этот римский тиран со своими «термами» несколько перегнул палку. И в дальнейшем ходе исторического процесса произошел удачный распад гигантского культурно-спортивно-помывочного комплекса на ряд независимых учреждений. Гимнастика стала процветать во дворцах спорта. Апулеем можно побаловаться в районной библиотеке. И певцы нынче не надывают горло в предбанниках, а ласкают наш слух с оперной сцены. Вот только собственно с мытьем дело как-то не всюду заладилось. И нынешний наш труженик — кузнец, токарь, пекарь или продавец — после своей рабочей вахты подчас лишен возможности забраться на полоч или освежиться под душем.

А ведь это только на первый взгляд кажется, будто люди лишены всего-навсего простейшей водной процедуры. На самом деле человек лишается гораздо большего. Мудрое изречение гласит:

«Десять преимуществ получает всякий купающийся: ясность ума, свежесть, бодрость, здоровье, силу, красоту, молодость, чистоту, приятный цвет кожи и симпатии красивых женщин».

Заманчиво, а? И так просто! Было бы где помыться...

МОЛОГОВЕЦКИЕ забавы

А было спрошено:

— Теперь чего?

— Теперь сыграем.

— Во что?

— А в лодыги.

— А это что?

— А это козны.

— А козны что?

— А козны — шляки.

— А шляки что?

— А шляки — альчики.

— А альчики что?

— А альчики — бабки.

— А бабки что?

— А бабки—это надкопытные суставы лошадей, быков, коз, овец и прочих домашних животных.

— А зачем нам играть в надкопытные суставы?

— А затем, что игры — одно из средств объединения молодежи, воспитания коллективизма и дружбы. Хочешь воспитывать коллективизм и дружбу — вот тебе «свинчатка», а мне — «гвоздь». Бей! Лупи! Шараш! Гвозди!

Полагаете, это мы придумали, чтобы вас повеселить? Нет, это не мы. Нам такого не придумать. Нам так четко не сформулировать, зачем нужно играть в эту старую и славную народную игру. Это журнал «Культурно-просветительная работа» подводит такую мощную теоретическую базу под упомянутые козны-шляки-альчики-бабки.

И не только под нее. Соревнования цикла «Веселый стадион», как серьезно уведомляет журнал, «потребуют от вас тех качеств, которые так необходимы и полезны у станка, на стройке, а на леводческой бригаде и за рулем трактора».

Серия соревнований, шикарно названная «Велосипедное ревю», открывается таким разудалым куплетом, где на равных соперничают лихость и безграмотность:

Кто изобрел, в котором веке,
Нам не узнать, мы незнакомы с ним,
Но мы об этом гениальном человеке
Навеки память сохраним!

Суть этого «Велосипедного ревю», состоящего из ряда ошеломляющих аттракционов, в том, чтобы как можно скорее доконать двухколесное детище «гениального человека», о котором «навеки память сохраним». Один из аттракционов называется «Велокуча-мала». Уже одно название обнадеживает, не правда ли?

«По сигналу судьи на каждый велосипед садится как можно больше народа (в седло, на раму, на руль, на багажник, на плечи партнеру и т. д.). Выигрывает та команда, чей велосипед раньше придет к финишу с наибольшим количеством седоков».

Каково? Ловко? Нравится вам такой метод развития и проверки «тех качеств, которые так необходимы и полезны у станка и на стройке, в полеводческой бригаде и за рулем трактора»? Создатели этой велочепухи заключают свой труд скромной, но обнадеживающей фразой: «И это только очень небольшое из того, что можно придумать, имея простой велосипед».

Уж наверное! Только лично нам и этого вполне довольно.

Впрочем, мы были бы несправедливы, утверждая, что журнал ориентирует наших славных юношей и девушек лишь на бездумные развлечения, в которых потребны только сила и ловкость. Кое-какие рекомендуемые забавы заставят участников крепко пошевелить мозгами. Скажем, программа «На рыбалке». Вот как она выглядит.

Большой зал. Публика сидит на стульях у стен. Кто-то запекает популярную песню «За туманом». После первого куплета ведущий быстро делит всех рискнувших повеселиться на две команды, остроумно именуемые «Килька» и «Тюлька». Капитаны команд ловят удочками картонных рыб, на которых написаны вопросы викторины. Саму викторину ведущий метко называет «разделкой рыбы». А «разделка» такая:

— Охотники желают друг другу «Ни пуха ни пера!». А рыбаки?

— Какой рассказ Чехова имеет рыбье название?

И так далее в том же роде.

Но это, так сказать, только интеллектуальная разминка. За-

тем веселящиеся команды приступают к «подледному лову» — выуживают пенопластовые детали рыб с буквами, из которых составляются большие рыбины с надписями «Килька» и «Тюлька». Команда, совершившая этот подвиг первой, считается победительницей, и ей предоставляется почетное право спеть какую-нибудь песню о рыбалке.

Хотя журнал и предлагает читателям цветную фотографию кульминационного момента этого игрища, трудно представить себе молодых людей города или села, коротающих свободный вечерок подобным образом. Если, конечно, банка килек не была выдана им перед началом забавы в качестве классической закуски.

Но, как говорится, продолжим наши игры.

Левша и Марья-искусница — ведущие серии развлечений «День забав молодецких» — адресуются не просто к молодым людям, а к молодым мастерам.

— Вот каждому по мешку завязанному! — завлекает мастеров Левша. — А в мешке детали от трактора. Определи на ощупь, что за детали там!

Когда мастера вдоволь нахохочутся над товарищем, принявшим уловинку за карбюратор, слово берет Марья-искусница:

— Сейчас каждая девица — и швец, и жнец, и на дуде игрец. Вот хотя бы для девчат-лекарок, для медсестер задачку загадаем. Говорят, что вы и хвори лечите, и кашу варите, и книжки читаете, и картины художников известных знаете?

Закончив голосить на этот дикий псевдобылинный лад, Марья-искусница раздает «девчатам-лекаркам» несколько репродукций натюрмортов. Неугомонный Левша предлагает выбрать «из этих картин, что полезительнее для тех, кто топориком машет, для тех, кто на счетах стучит да бумаги строчит». И составляют медсестры языческие меню со шматами ветчины, вальдшнепами, тетерками, диковинными плодами.

«День забав молодецких» продолжается!..

После этаких будничных развлечений никого уже не изумят конкурсы, которые журнал рекомендует для новогодней ночи. Скажем, делится все желающие опять же на две команды. Каждая получает синтетическую елочку, которую надлежит украсить только тем, что имеется в карманах, сумочках и на телах играющих. Выигрывает тот, чья елка будет гуще увешана пачками «Памира», ключами, авторучками, записными книжками, расческами, галстуками и носовыми платками.

Все журнальные забавы не пересказать, да вряд ли это и нужно. Картина достаточно ясная. Лишь один вопрос не дает покоя: на чей же убогий уровень рассчитаны такие забавы? Уж не на тех ли, в чьи надкопытные суставы зазывают нас играть журнальные затейники?

ОБЫКНОВЕННАЯ ЭКЗОТИКА

Из путевого блокнота

Путевые заметки принято начинать какой-нибудь лихой фразой вроде: «Наш серебристый лайнер, взяв стремительный старт, растаял в полуденном мареве». Однако такое начало не только не потрясает свежестью, но и вызывает у читателя ненужную мысль, что если уж автор увидел тающий в мареве лайнер, то скорее всего он на упомянутый лайнер опоздал, засидевшись в аэропортовском ресторане.

Так что примем из рук заботливой стюардессы гигиенические пакетики и удовлетворимся скудным сообщением о том, что рейс Москва — Хабаровск совершается точно по расписанию. Нет возможности даже описать страну с птичьего полета. Густая облачность, и пассажиров не покидает чувство, что они летят над гигантской порцией гоголь-моголя, разлитого на тысячи километров.

Пару раз, правда, внизу маячила земля. Но полное отсутствие надписей не давало угадать, над чем же мы сейчас так гордо парим. Возникало тоскливое ощущение давнишнего школьного урока, когда учительница с неприятной четкостью констатирует:

— Иванов не знает, как называется это плато. Знания Иванова кончаются на Средне-Русской возвышенности. Может быть, Трифонов знает, как называется это плато и какими полезными ископаемыми оно богато?..

Увы, мы явно не натягивали даже на тройку. И только вернувшись на землю, в знакомый мир указателей, объявлений и вывесок, смогли обнаружить свое место на нашей планете.

Возможно, это уже давала нам о себе знать дальневосточная экзотика, которой мы так страстно желали. Ведь даже куплен-

ная еще в Москве глянцева брошюра об отдыхе на амурских просторах настраивала нас на особый лад. Там на фотографиях бирюзовый цвет соперничал с изумрудным, независимо от того, что было изображено на снимке: речная гладь, питомник имени Лукашевича или сцена из пьесы местного драматурга В. Шаврина в постановке краевого драмтеатра. А после традиционных комплиментов тамошнему климату следовали такие вещие строки: «Уже в конце мая появляются хвостососцы Маака и ксут. Летом встречаются многочисленные виды имфалид и зефиров.. На цветущей сорбарии можно встретить особь из тропического семейства уранид. Вечером на свет лампы налетают разнообразные бражники».

Дух захватывало! Мы плохо представляли себе позадки хвостососцев, а тем более таинственного ксута. Мы подозревали, что имфалида сдуру может тяпнуть за ногу, а уранида со своим тропическим характером нанести еще больший урон. Бражники нам чудились компанией подвыпивших хулиганов...

Как вы помните, великий комбинатор носил с собой вырезку из энциклопедии. Кроме вычитанных там сухих статистических данных о своей хрустальной мечте — городе Рио-де-Жанейро, он знал только, что все жители там ходят в белых штанах. Подобный книжный принцип знакомства с далекими городами существует и по сей день. Но мы решились отречься от него, а заодно и от пугающего путеводителя.

Самый совершенный путеводитель не донесет до вас звона склянок в центре Владивостока, придающего городу сходство с большим океанским кораблем. Вы не почувствуете сладости прогулок по его улицам. Сладости в буквальном смысле слова, поскольку нигде больше вы не найдете такого количества кондитерских магазинов и нигде не отведаете газированной воды, состоящей на три четверти из сиропа. Вы не увидите в витрине цветочного магазина на Ленинской улице крохотного деревца с оранжевыми шариками апрельских мандаринов величиной с мячик для пинг-понга. Вряд ли вдали от этих мест вы по достоинству оцените реплику таксиста:

— По плотности тумана мы уже перегнали Лондон!

— Для этого надо самолично ехать в машине с зажженными среди дня фарами, ибо все вокруг бело, словно вы движетесь в сплошном потоке шестипроцентного молока.

Нужно собственными глазами прочитать трогательную табличку на стенке каюты теплохода, транспортирующего вас в порт Корсаков: «Your boat is number 5 on the starboard side of the boat-deck». («По шлюпочной тревоге ваша шлюпка № 5 по правому борту».) Или другое заботливое объявление, виденное нами в аэропорте села Троицкое — маленьком домике, до отката

забитом могучими лесорубами и нанайскими охотниками, ждущими летной погоды. Рекламная стюардесса на том красочном плакате кокетливо указывала пальчиком на следующие слова: «Внимание! Пассажирам местных линий разрешается бесплатно провозить в самолете пледы, зонты, трости и др.». Тогда, помнится, мы поломали голову над тем, что имеется в виду под «и др.». Может быть, лорнеты, стеки, напульсники и бильбоке?

Разве задумаетесь вы, каково было подплывать к некогда диким сахалинским берегам гардемарину Константину Станюковичу на корвете «Калевал», если сами не проведете хотя бы одну ночь в Японском море и лично не убедитесь, что она так черна, будто судно опустили во флакон с тушью? И только собственными подошвами моря современную Тигровую улицу, вы поймете, как переменялся Владивосток с тех пор, когда на этом самом месте тигр стащил с часового тулуп, в честь чего улица и получила свое название.

Только лично убедившись, что самолет здесь такой же обычный транспорт, как в других местах трамвай, вы ощутите истинную необъятность Дальнего Востока. Тут даже в мелком повседневном понятиям леспромхозе вам охотно разъяснят, сколько Франций уместится на их территории. Вот тогда-то вам, как и нам в свое время, захочется войти в Палату мер и весов с предложением установить для Дальнего Востока какую-нибудь специальную меру длины. Километр для этих краев явно мал. Ведь центральная площадь Хабаровска, конечно же, одна из самых больших в стране. Хехцирский кабан, как вы уже догадались, крупнейший в СССР. И уссурийский тигр, как отметил еще Пржевальский, «по величине не уступает обитателю джунглей Бенгалии». А одна из улиц Южно-Сахалинска насчитывает более трехсот домовых номеров. Так что бразильцы, называющие свою Ривадавию самой длинной улицей в мире, похоже, берут на себя слишком много.

Надо самим промчаться на норовистом «газике» по весеннему амурскому льду, который «уже дышит». Собственным нутром почувствовать бешеную скачку по выбоинам, грозящую сотрясанием мозга даже киноактрисе Фатеевой, чей милый образ укреплен на ветровом стекле машины. Надо увидеть ледовую колею, то и дело исчезающую в воде, и услышать меланхолические рассуждения шофера о том, что впереди: просто талая вода или «майна», ведущая прямо на дно.

Трудновато понять, почему в краеведческом музее Южно-Сахалинска рядом с очаровательным чучелом морского котика на стендах красуются бутылки с местным кефиром, банки с маринованными огурцами и коробки с сахалинской вермишелью. Трудновато, если вы не шли заливом Анива, наблюдая по левому

борту такой неприветливый на вид остров. При одном только взгляде на желтые прибрежные сопки и сосенки — такие маленькие, что их можно собирать для гербария, — становится ясно, почему этот брошенный в море кус земли в не таком уж далеком прошлом считался мертвым, неродящим. И упомянутая экспозиция в музее при всей своей гастрономической прозаичности есть не что иное, как свидетельство полной и умной победы человека над неласковой природой.

Да, не побывав в этих краях, вы вряд ли расшифруете сообщение о том, что на Всесоюзном субботнике охотники-эвенки трудились на своих рабочих местах. А это означает, что они расчищали и приводили в порядок заветные охотничьи тропы. И первую бабочку наступающей весны к вам должен принести океанский бриз, а не строчки чужих путевых впечатлений.

Может, это и есть экзотика? Мы на этом не настаиваем. Тем более, что отправляясь за ней, мы плохо себе ее представляли, а, вернувшись, запутались в этом понятии еще больше.

Правда, нам приходила в голову счастливая мысль рассказать об огнедышащих вулканах и седых гейзерах, о китах-великанах и веселых нерпах, о самоцветах и знаменитом женьшене. Была у нас в запасе и история о том, как на сахалинский берег выбросился кашалот, в глотке которого застрял бумажный ком...

Но мы решили на первый раз ограничиться тем, что видели сами. А кому этого маловато, пусть помнит, что путь на Дальний никому не заказан.

Театр ставит Шиллера. «Марию Стюарт». Режиссер вдруг заявляет:

— Нужно сделать секиру!

— На кой черт? — изумляется тот, в чьем ведении театральные финансы.

— Актриса желает, чтобы в последнем действии палач отрубил ей голову.

— Мало ли чего она желает! На секиру нет денег. Хай с башкой остается! Есть у нас в реквизите какой-нибудь пистолет?

— Да что вы!.. — Режиссер берется за сердце. — История говорит, что Марии Стюарт отрубили голову.

— Так то настоящей Марии, а нашу Вальку вполне можно и из пистолета хлопнуть, — не велика птица!..

Так и поступают. На премьере знаменитая представительница знаменитой шотландской династии переходит в другую ипостась с помощью калибра 7,62.

Мы не были на этом спектакле. Просто не могли быть. Он состоялся лет сто назад в театре нижегородского антрепренера Федора Смолькова. Однако же сей трагикомический эпизод проявился в памяти, когда мы стали знакомиться с положением дел в наших городских театрах.

Конечно, на какой бы финансовой мели ни сидел сегодня отдельный театр, он не позволит себе подобных вольностей с шедеврами мировой драматургии. Найдется и рапира, чтобы принц датский мог по правилам продырявить Полония, а не лупить его по голове амбарной слегой. Отыщется флакончик циана или кураре для злодейской выходки Арбенина. Будет взят напрокат в краеведческом музее какой-нибудь «шмайсер», чтобы Тузенбах, хотя и за кулисами, сделал запланированное «бабах!». Все это будет. Не хватит, может быть, только кубометра горбыля, десяти метров желтой бязи, двух горстей стекларуса да килограмма гвоздей, необходимых постановщикам для полноценного осуществления художественного замысла. Эти вещи директор театра исключил из сметы. И его нужно понять: директору ласково давит на кадык упрямая барышня — Финансовая дисциплина. Одна тысяча рублей — вот тот маломерный Эверест, с высоты которого творческий состав городского театра имеет право парить на крыльях своей необузданной фантазии.

Задача осложняется еще и тем, что зритель городского театра без особой охоты соглашается со всякими условными решениями, способными удешевить постановку. Не очень любит этот зритель, когда стены квартиры героя-передовика обозначены шпагатом, парадная лестница в королевском дворце составлена из голых партикаблей, а сосновый бор, где полиция гоняется за участниками маевки, представляет собой лишь несколько рядов реек. Зритель городского театра хочет, чтобы на сцене все было «как на самом деле». Уж если лес, то пусть в зале веет хвоей, филин пусть ухает на колосниках, во мху пусть закопошится какая-нибудь живность, а по авансцене того и гляди проследует семейство барсуков...

Но лес с барсуками настолько дороже реек, насколько алмаз «Орловский» ценнее граненых стеклышек фирмы «Яблонекс». И потому в гортеатре постоянно стоит вопрос: или — или? Или будет одета сцена и останутся голыми артисты, или одетым артистам придется играть на голой сцене. И если ставится не «Голый король», это не все равно.

Мы крепко пожали бы руку нашему коллеге — некоему фельетонисту Ипполиту Бублику, который имел зоркость заметить: «Нет ничего забавнее видеть на сцене Гамлета в гусарском доломане или маркизу времен Людовика XV в ситцевом платье, сшитом по прошлогодней картинке мод. Римский полководец Веллизарий выходит на сцену в камлотовой альмавиве и в шляпе флотского офицера».

Да, мы до хруста стиснули бы руки И. Бублика, напечатай он эти строки в «Крокодиле», а не в старинном издании «Репертуар и Пантеон». То, что сказал г-н Бублик относительно скудного гардероба тогдашнего провинциального театра, порой угрожает и сегодняшнему городскому театру.

Только, ради бога, не надо скоропалительных выводов: авторы, мол, говорят о второстепенном, игнорируя главное — пьесу, режиссуру, актерское мастерство. Нет, авторы не игнорируют. Им просто хочется поговорить о трудностях работы в городском театре, сделав два пустяковых допущения. Авторы допускают, что театр уже располагает дивной пьесой, решающей с высокоиндейных позиций жгучие вопросы современности, и что в труппе театра довольно одаренных артистов, коим по плечу Катерина и Стряпуха, Чацкий и Швандя. При таком раскладе обстоятельства, кажущиеся второстепенными, оказываются решающими. Это может подтвердить любой из ста девяти главрежей наших городских театров.

Кстати, знаете ли вы, что такое городской театр? «Это областной или республиканский театр, у которого забрали здание, забрали технику, уменьшили штат на тридцать процентов, снизили заработную плату руководящему персоналу, а требования предъявляют к нему как к академическому театру».

Эту сардоническую формулу вывели не мы, а главный режиссер воркутинского театра. Вывел из своего горького опыта. Сто восемь его коллег могли бы сделать к этой формуле сто восемь добавлений, сводящихся в общем-то к простой мысли: система финансирования городских театров нуждается в решительном пересмотре.

«Эк, куда хватили! Побольше денег — это любому делу не во вред. А зачем? — возможно, скажет читатель, вооруженный некоторой статистикой. — Дела в городских театрах идут бойко. Вон за один только 1974 год городские театры России дали

48 119 спектаклей, на которых побывало около 14 000 000 зрителей!»

Ну, а если, насладившись статистикой, заглянуть в отдельно взятый театр? И мы заглядываем. В городской драмтеатр Мичуринска, располагающий отличным зданием — предметом зависти многих гортеатров, не имеющих стационара вообще.

— Сто проданных билетов для нас праздник! — честно и грустно поверяет нам директор. — Изумления излишни. В Мичуринске живет всего 117 тысяч, и так уж получилось, что не все поголовно завязтые театралы. А зал наш на 800 мест, в соответствии с чем дается и финплан. И надо бы нам не два спектакля в день играть, а три. Да вот в труппе только 27 человек, и больше нам не положено!..

Меж тем наш зритель, умеющий год от года, желает подлинных эстетических потрясений от соприкосновения с искусством. Зритель не собирается делать скидок на то, что каждому городскому театру надо выпустить за год, а фактически за шесть-семь месяцев десяток премьер. На то, что эти премьеры героически играют актеры, замученные дальними марш-бросками в промерзших, рассыпающихся автобусах, актеры, чьим семейным очагом зачастую бывает, увы, не квартира, а казенная гримбузная.

И еще.

— Сколько же у вас эта хорошенькая получает? — спросил как-то на гастролях у директора театра председатель хлопководческого колхоза.

— Восемьдесят пять.

— Ну? Да у меня младший агроном вдвое больше имеет! Такая хорошенькая — и восемьдесят пять!..

Представьте себе. А ведь та «хорошенькая» к тому же и талантливейшая. У нее, между прочим, высшее театральное образование. Она и про Брехта и про Таирова все знает. И своим искусством, между прочим, тем же хлопководам работать помогает. Их досуг интересным, наполненным делает.

— Каждый год у нас меняется до сорока процентов всей труппы! — грустно и честно поверяет нам директор. — За последние пять лет сменилось три главных режиссера. Впрочем, мы в этом не оригинальны.

Ах, эта проклятая текучесть тех самых кадров, которые решают все! Не выпороть ли нам хлесткими фразами актеров-летунов и режиссеров-перебежчиков? Нет, рука не поднимется. Ведь по-человечески так просто понять актрису, которая покидает Мичуринск не в поисках сказочного Эльдорадо, а чтобы в каком-нибудь городе вроде сареднего Тамбова приработать на местном радио десятку к своему более чем скромному окладу. Актеры,

как ни странно, тоже люди, и им не чуждо ничто человеческое.

Отчего же почти все сто девять наших городских театров частую живут туго? Ведь их беды — это личная боль и постоянная забота Министерств культуры СССР и РСФСР. Однако далеко не все проблемы можно разрешить без поддержки высоких плановых и финансовых органов. Воздержимся от неквалифицированных советов финансистам и плановикам. Напомним только старинную истину, что талант нуждается в поощрении так же, как смычок виртуоза — в канифоли. В материальном поощрении — присовокупим мы, «Маленькие» театры вершат большое и благородное дело. И все вложенное в него даст процент в виде того нравственного и эстетического капитала, который подчас куда дороже денег!

Ну, кажется, дождались! Ртуть на уличном термометре сиганула к отметке плюс тридцать. И горожанин, уже потянувший

было опять с антресолей занафталиненную доху, поверил в лето. Зачавкал под подошвами плавленный асфальт, и разгоряченное в июльской сутолоке тело возжелало солнца, воздуха и воды. Два выходных нынче прельщают нас не возможностью устроить генеральную стирку или тотальную сдачу стеклотары. Нет, нас манит, влечет, тащит на природу. Ее, мать нашу, с особой нежностью любят именно горожане. И чем больше город, тем жарче любовь. Мы так ласково пестуем на своем балконе какой-нибудь самый заурядный вьюнок, будто это по меньшей мере королева цветов — экзотическая Виктория Регия.

Вот почему в выходные дни стонут от напряжения перенабитые электрички, и город истекает бурными потоками личного автотранспорта. Конечно, есть любители черноморских галечных лежбищ, где утыкаешься носом в посторонние пятки и где лишь одна отрада — знать, что кто-то сзади созерцает твою ступню вместо чарующего кипарисового пейзажа. Но для понимающего человека родимый пригород — это земной рай. Так рассыплемся по его кушам, пущам и рощам! Подключимся к природе как к некоему аккумулятору жизненных соков и зарядимся на целую неделю неумейной трудовой энергией!

Только, товарищи, без телячьих восторгов, без беготни, острожененько, глядя под ноги. Мы не первые осуществляем здесь соитие с природой. Эвон как весело ветерок гоняет по лужайке брошенные пластиковые мешочки и обрывки промасленных газет. У опушки, точно капканы, разинули зубастые пасти порожние консервные банки. Можем поинтересоваться, чем лакомились наши предшественники. Вот извольте: «частик в томате», «кильки каспийские». Еще яички лупили. Ну, а яички, ясное дело, всухомятку не идут. От них икота бывает. Да и частик, как говорится, плавать любит. Так что запивали все это добро помаленьку. Чем? Известное дело. Впрочем, об этом позже. А пока, с омерзением миновав эту стихийную свалку, углубимся в те заветные уголки, где травы пока еще больше, чем сигаретных окурков.

Но мы с вами не какие-нибудь Пришвины, чтобы, присев на пенек, пассивно умиляться пленеру. Мы уважаем активный отдых. С топором. Потому как без топора какая же загородная прогулка? Ни тебе веток напасти, чтобы сидеть было мягко и душисто, ни тебе сосенку завалить, чтобы учинить костер до небес всем на зависть. В плюс тридцать, конечно, и без костра ишиас не угрожает. Зато можно просто на огонь потарашиться. Тогда различные мысли приходят о неповторимой красоте девственной природы.

Но что это? Чу! Отчего всполошились пернатые? То, рассыпавшись цепью, прочесывают лес под рев транзисторов и гитарный

плач пассажиры веселых «поездов здоровья». За ними уже маячит караван ло-верблюжьих горбатых силуэтов — наступает организованный турист. А вслед за организованным с ураганной силой вламывается в дрожащую рощу мотоциклетный десант. И начинается потеха! Нет, не ждем мы милостей от природы. Но и она пуста от нас не ждет.

На природе все можно. Или почти все. Можно взять и загнать свой «Запорожец» в светлую речку да искупать его, как доброго коня. Вон с него в три ручья грязь, копоть, масло. А никто из этой речки пить и не собирается. Кстати, вот теперь пора налить! Вы поглубже кору надрежьте. Запивать березовым соком еще классики советовали. Замечали, как пьется на свежем воздухе? Даже женщина может граммов шестьсот взять и будет, как стекло. Ну, а мужику-то вообще нет предела. И главное — назавтра ни изжоги, ни мигрени. Великое дело — природа! Да бросьте вы бутылку в кусты, не тащить же в город. Может, в ней пичуга гнездо совет, деток выведет! Ах, у вас не одна бутылка, а шестнадцать! Тогда состязание на меткость: кто с пяти шагов больше бутылок об этот камень разобьет. Начали!

А лягушек не надо ножкой давить, Ирочка! А то дождик пойдет. Это народная примета. Хочешь с ней поиграть — вставь соломинку и надуй. Нет, это не гром, доченька. Это дядя Егор рыбку глушит. Смотри, маленькая, кто к нам плывет вверх животиком. Беги, скажи мамуле, чтоб достала сковородку из сумки!

Ты смотри, как тянул, стервец! Кто это сказал, что муравьи — санитары леса? А вы не всему верьте, что пишут. Они вам за гонорар что хочешь сочинят. Волков вон тоже защищают. Нашлись умники. Знаем мы этих санитаров. Зазеваешься — мигом когу отхватят. Дайте-ка спички. Ничего, они себе новый муравейник построят. Они трудолюбивые!

Танюша, солнышко, ты походи по траве босиком. Пусть из тебя электричество в землю уйдет. Колется? А я сейчас бензинчика из канистры плесну и подпалю лужайку. Гладенькая станет, как паркет. Ну? Ах, теперь ноги пачкаются? Так переберемся на другое место!..

Мужчины! Вы мужчины или нет? Так пугните кто-нибудь лося! Еще не хватало, чтобы кого-нибудь из коллектива забодали в выходной день. Что значит людей не едят? А этот, может, как раз ест. Он ненормальный, чего он к людям тянется? Давно надо поставить вопрос на местное о покупке ружья. В следующий раз и озоном подышим и лосятинным домом привезем. Да палкой его по рогам! Ну, вот, а вы боялись!..

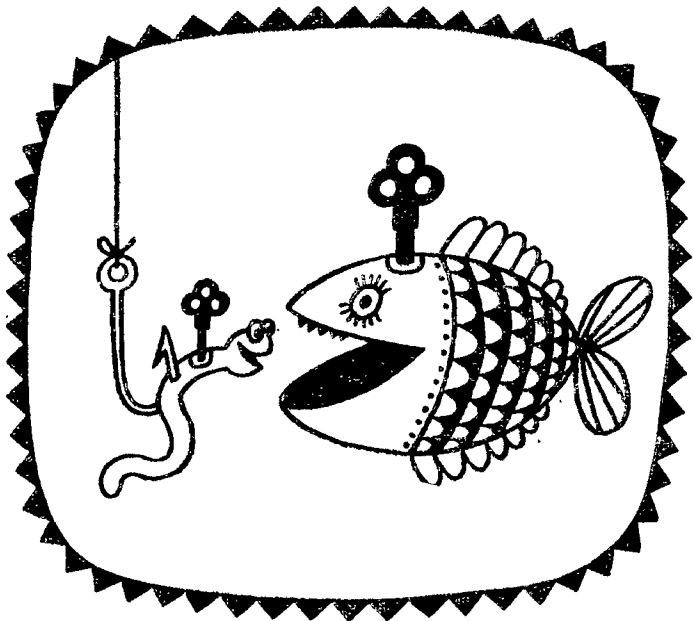
Но догорает воскресный закат. И мы, как пишется в школь-

ных диктантах, усталые, но довольные, снова включившемся в электрички, автобусы и автомобили, вея в город запах гари, потрескивающие рожашки и красноту торопливого загара. А ночной дождик принимается ласково обмывать раны, нанесенные нами притихшей и потрясенной природой.

И вот что поистине поразительно. Утром сосед сверху ненароком цепел от сигареты на наш балконный вьюнок, так мы такого злодея готовы затаскать по товарищеским и нетоварищеским судам. Ведь этот вьюнок — наша природа. А вся остальная? Та природа, что простирается за пределами нашего балкона? Понятно — она общая. То есть вроде бы ничья.

Значит, можно махнуть на природу. Махнем сообща? Ведь для понимающего человека родимый пригород — это земной рай!

СОДЕРЖАНИЕ

След чудовища	3
Человек без белого флага	21
Простейшая операция	27
Этюд о бане	30
Молодецкие забавы	33
Обыкновенная экзотика	37
Без грима	40
Махнем на природу	44

ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИВАНОВ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ТРИФОНОВ

СЛЕД ЧУДОВИЩА

Редактор Я. А. Полищук,
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 15.III 1977 г. А 04573. Подписано к печати
24.V.1977 г. Формат 70×108¹/₃. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,05. Тираж 75 000. Цена 19 коп.
Изд. № 1188. Заказ № 306.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 19 коп.
Индекс 72996

